

15 мая 2012 [Ярослав Тимофеев](#)

КУЛЬТУРА

«Когда требуется сделать нечто экстраординарное, я собираю силы и выжимаю скорость»

Дмитрий Хворостовский — о том, как положить публику в карман

18 мая «Черешневый лес» зашумит под сводами Большого зала Московской консерватории: концерты Дмитрия Хворостовского невозможны без оглушительных оваций. Сольный вечер российского баритона задуман как музыкальная кульминация фестиваля. Перед прибытием в Москву Дмитрий Хворостовский дал эксклюзивное интервью «Известиям».

— Ваш концерт анонсирован как премьера новой программы. По какому принципу вы ее составили?

— Это не новая программа, Москва — предпоследний город, в котором она будет исполнена. Но я ее слегка скорректировал: по просьбе моей звукозаписывающей компании романсы Форе заменены на романсы Рахманинова. Причина в том, что у меня только что вышел рахманиновский диск, записанный в Большом зале. Музыка Чайковского я включаю в свои программы почти всегда. А Танеева раньше изучал как дирижер-хоровик, его романсы мне были не так знакомы. Оказалось, что он принимается очень хорошо во всех странах мира.

— Каков процент русскоязычной аудитории на ваших западных концертах?

— Не знаю, не считал. Но в связи с моей работой в популярных жанрах, во всех странах мира ко мне стало приходиться гораздо больше русских. Впрочем, и раньше я не испытывал проблем с заполнением залов.

— **Но вы ощутили увеличение объемов продаж после совместных проектов с Игорем Крутым?**

— Безусловно. Не то что продаж — я ощутил большой интерес публики, далекой от классического искусства. Иногда он выражается в курьезной форме. Приходят не совсем подготовленные русские, не знакомые с традициями классической музыки: кричат, просят что-то. На днях во время концерта в Минске мне передали записку с целым списком популярных песен, которые я должен был исполнить.

— **Будут ли у вас новые проекты в жанре crossover?**

— Да, Игорь Крутой полон планов и надежд на будущую работу. Сейчас он записал потрясающий диск с Суми Чо, Ларой Фабиан и мной. Одну или две песни Игорь сочинил на слова Лары.

— **Вы записывали диск Рахманинова уже после реставрации Большого зала консерватории. Какие ощущения от новой акустики?**

— Очень люблю Большой зал, особенно когда он пуст: по ночам там совершенно неопишуемая, сказочная атмосфера. Кажется, после ремонта акустика не изменилась в худшую сторону. Но во время записи еще летала известковая пыль, это было не слишком полезно для голоса.

— **Недавно вы стали обладателем американской премии Opera News. Существуют ли награды, дорогие вашему сердцу?**

— Буду банален: самая лучшая награда — это зрительские симпатии. Никакие премии мира не заменят интереса публики, на который я пожаловаться не могу. Помню, как получал звание народного артиста России — кажется, я был одним из самых молодых. Помню, как Ельцин вручал мне госпремию. Тогда я относился к наградам как к должному. Сейчас, глядя в прошлое, понимаю, что это был большой аванс.

— **В юности вами завладела страсть к хард-року. Это было притяжение «запретного плода» или настоящая любовь?**

— Конечно, это был запретный плод. Мой отец — человек, беззаветно и бескомпромиссно любящий классическую музыку, — был в ужасе, узнав, что я занимаюсь таким делом. Но именно этого я и хотел. В подростковые

годы человек толкается локтями, доказывает что-то себе и другим. С другой стороны, выступления в столь раннем возрасте дали мне многое: я почувствовал уверенность в себе, вкус к сцене. Тот опыт помогает до сих пор, я продолжаю искать себя: ищу баланс, чувство свободы, раскрепощенности.

— **Не подумываете ли вернуться к року?**

— Нет.

— **Как вы будете отмечать 50-летний юбилей, до которого ровно пять месяцев?**

— Буду репетировать оперу «Бал-маскарад» Верди в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке. Я не сторонник пышных празднеств и не хочу делать ничего намеренно. Если друзья захотят приехать ко мне в Нью-Йорк, будет прекрасно. Я их пригласил. А в январе будет еще концерт «Хворостовский и друзья», на котором я спою с Барбарой Фриттоли, Рамоном Варгасом, Ильдаром Абдразаковым и Екатериной Губановой.

— **В Московской консерватории со мной учился один баритон, который подражал вам до беспамьяства — и прической, и поведением, и голосом. Как вы относитесь к клонам?**

— В студенчестве я тоже подражал многим певцам. Человек должен искать прототипы, модели для своего голоса и сценического имиджа. В этом ничего нет предосудительного, если, конечно, сохранять чувство меры.

— **На каком языке вы думаете?**

— Думаю на русском, но когда нахожусь в другой языковой среде, начинают сниться сны на местном языке — если язык знаком, конечно.

— **Гонщики говорят, что главное удовольствие их работы — в контроле за тем, что почти невозможно контролировать, то есть за скоростью. Есть ли в вашей профессии похожие ощущения? Приходится ли контролировать свой голосовой аппарат?**

— Безусловно, причем у вокалистов контроль многоплановый. Не только технический, но и интерпретаторский: ведь на сцене в тебе присутствует второе существо — то, о чем ты поешь. Особый контроль нужен, если выступаешь в ансамбле. Ты контролируешь эмоциональное состояние партнера: помогаешь или давишь, противопоставляешь ему что-то. Ну и публику, конечно, тоже надо контролировать. Если чувствуешь, что

упускаешь аудиторию, надо приложить особые эмоциональные усилия, чтобы положить публику к себе в карман.

— Ваши отношения со своим голосом и с публикой изменились за последние годы?

— С возрастом оцениваешь ситуацию более холодным рассудком. Молодости присуща самонадеянность. В свои 20 лет я думал, что я волшебник и могу делать на сцене нечто невероятное. Абсолютно честно верил в это. С годами я во многом разочаровался в самом себе. Но вместе с мастерством приобрел определенное количество штампов, которые помогают делать свое дело, не прилагая особых усилий. Потому что на сцене всегда нужно работать процентами: не на все сто, а гораздо меньше. Всегда должна быть подушка. А в момент, когда требуется сделать нечто экстраординарное, я собираю силы и — если уж сравнивать с гонщиками — выжимаю скорость.